

ОМ

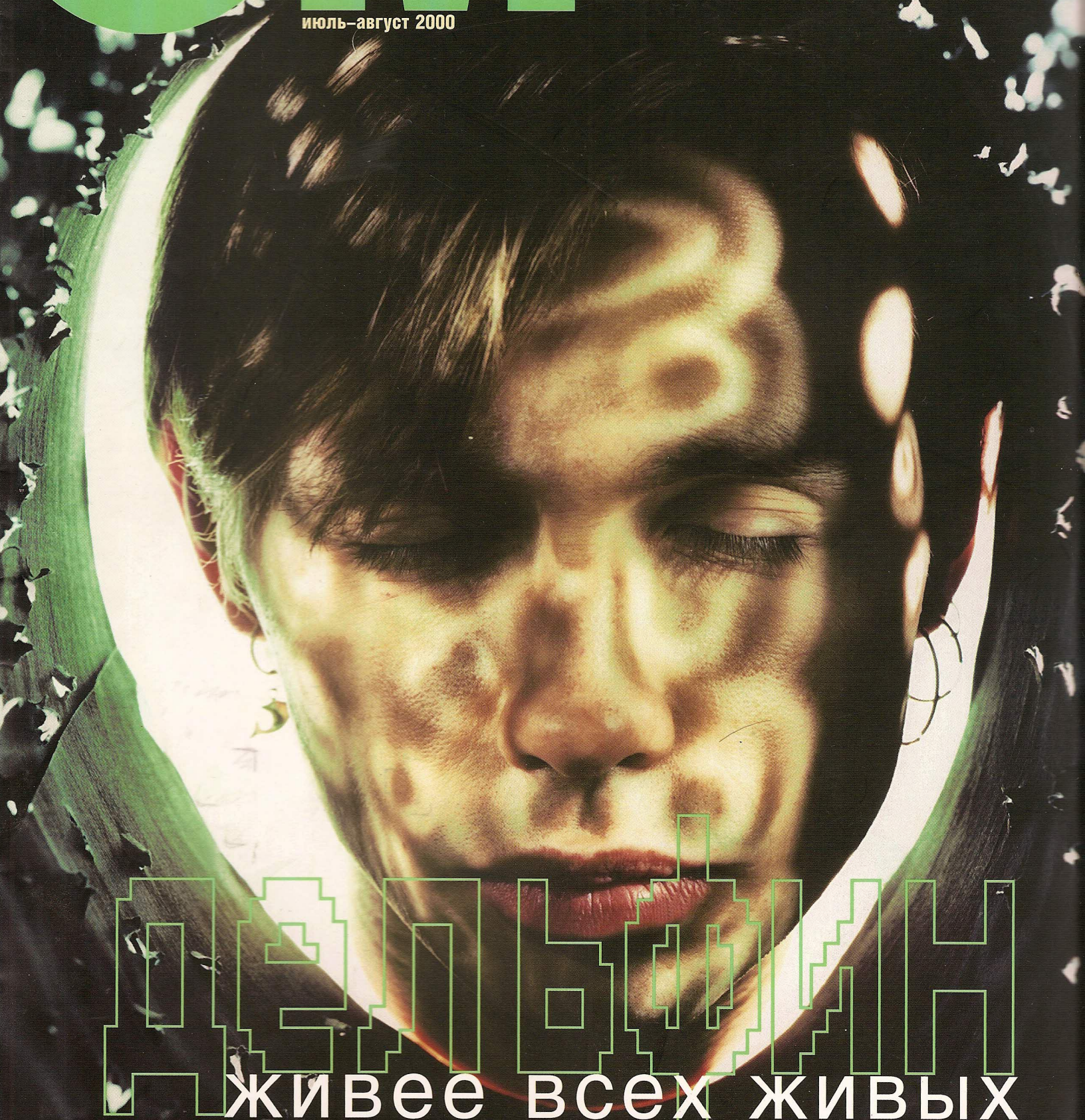
июль-август 2000

Десант / Наши за границей

Бьорк / Год опасной жизни

Чичерина / Ту-лу-лапочка

Русский хип-хоп / Децл надежды

ДЕТЯМ ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

Эмир Кустурица

Шесть кабриолетов

Гей-парад в Вене

Том Уэйтс в Варшаве

Лучшие летние коктейли

БЪОРК
ПРОТИВ
РЕАЛЬНО

Прошлым летом ее казнили. А этим летом она, живая, получила Золотую пальмовую ветвь Канн. Первая Бьорк – героиня фильма Ларса фон Триера “Танцующая в темноте”. А кто вторая? Об этом сама Бьорк рассказывает Джеферсону Хаку.

Сцена 1. Съемочная площадка студии Zentropa, пригород Копенгагена, Дания, июль, 1999 г.

Медленный наезд на бывший учебный лагерь для новобранцев, ставший штаб-квартирой производственной компании Ларса фон Триера, где проходит большая часть съемок фильма “Танцующая в темноте”. Пано-рама плаца, над которым до сих пор развивается датский флаг. Резкий переход вовнутрь перестроенного под тюрьму 60-х гигантского склада, где мы встречаем Бьорк.

На площадке напряженная обстановка. Все готовится к съемкам заключительной сцены. Связанную Бьорк удерживают два охранника. У нее на шее свободно висит петля. Это Бьорк в роли Сельмы; старомодно одетая и почти слепая, изможденная и почти мертвая, примирившаяся с тем, что ее жизнь заканчивается. Она поет свою последнюю песню.

•••

Джеферсон Хак: Героиня фильма во многом похожа на тебя. Музыка для нее – спасение, а для тебя – то, в чем ты чувствуешь себя наиболее комфортно. Тебе было странно играть эту роль?

Бьорк: Примерно 60-70% того, что у меня в голове, – это музыка. Вот и сейчас я с тобой лишь на 30%. Я как будто бессознательно ди-джействую у себя в голове. Это всегда было моим секретом. Все может провалиться в тартарары, и мое сердце будет пятьдесят раз разбито, но я буду в порядке, потому что мне есть куда убежать.

СТИК

Поэтому я была в ужасе, неожиданно обнаружив себя окруженной сотнями людей и камер, в тот момент когда я должна была находиться в своем собственном мире, в своей мелодии. Внезапно в мир, куда я все 33 года могла убежать, вторглись чужие.

ДХ: Ты играла роль, или скорее персонаж был продолжением тебя?

Бьорк: Мне кажется, что на два года я понастоящему стала ею; летом прошлого года я убила человека, меня казнили. Это немного наивно, но так я устроена. А Ларс – человек, сделавший меня убийцей.

•••

Действие фильма *“Танцующая в темноте”* происходит в зеленом пригороде Вашингтона. Это – полумузыкальная, полуповествовательная история о бедной, слепой чешской беженке Сельме. Ларса фон Триера – режиссер, поставивший *“Идиотов”* и *“Рассекая волны”*, один из авторов манифеста *“Догма-95”* смешивает в своем новом фильме реалистскую эстетику съемок ручной камерой с поп-роликами Бьорк, где все поет и танцует.

Самоотверженная Сельма проходит через слепоту, нищету, предательство, случайное убийство, тюремное заключение и, наконец, смерть, и перед смертью она успевает протащить нас сквозь свое музыкальное, поющее, танцующее подсознание. Бьорк вкладывает в трагическую, анти-героическую роль свою

Сцена 2. Рейкьявик, Исландия, Новогодняя Ночь 2000.

Рейкьявик устлан толстыми картонными снежинками, превращающими родной город Бьорк в волшебную страну зимы. Удары часов приближают друзей и семью к новому тысячелетию. У Бьорк позади был сложный съемочный год и сейчас она кажется спокойной и уверенной.

За окном порывы ветра взметаю причудливые облака снежинок, мимо идут прохожие, пряча лица в воротники. Взлетают фейерверки, сначала редко, а потом над городом взматывается полнокровное крещендо. Первыми на улицу выбегают дети, за ними взрослые, мама Бьорк, отец и сын Синдри. Бывшие члены группы Sugarcubes вперемешку со новыми знакомыми по *“Танцующей в темноте”*. Коллектив смотрит в небо. На Бьорк круглая шапочка с надписью “2000”. Звезды сталкиваются с огнями фейерверков, уничтожая небо.

•••

ДХ: Где ты чувствуешь себя более счастливой, в Исландии или в Англии?

Бьорк: Я думаю, что мне естественнее находиться в Исландии, но когда я начинаю чувствовать себя слишком комфортно, мне хочется чем-нибудь себя удивить. Мне нужна шоковая терапия больших городов.

ДХ: Между 1996 и 1997 гг., прежде чем ты вер-

чтобы так все и было. Одно можно сказать точно: мое внутреннее я – это Исландия, а внешнее – Англия. Когда я чувствую себя экстравертом, хочу встречаться с массой людей и разговаривать, я не могу найти в Исландии покоя, а когда я чувствую себя интровертом, я не выношу Лондон, так что в какой-то степени я – шизофреничка.

•••

Бьорк принесла в поп-мир чувства волшебства и опасности, той непредсказуемости, которой так не хватает склонной ко всему экстремальному современной культуре. Она доказала, что не боится меняться, надевать новые маски, разрушать стереотипы. Мало кто отважился бороться с Бьорк за титул верховной жрицы поп-музыки.

Возможно, это стало возможным благодаря ее участию в коллективе Bad Taste, из которого выросли панковские Sugarcubes. Или еще более ранним событиям – ее детству, когда 13-летняя исландская поп-звезда ненавидела ходить в школу. А может, она получила это от своего отца – сильного, активного юнионистского лидера. Возможно, все это сплавилось вместе, чтобы получилась та сила, то желание изменить мир, что характеризуют творческую конституцию Бьорк.

Сцена 3. Съемочная площадка на студии Зентропа, Копенгаген, июль, 1999 г.

Ларс фон Триер делает несколько шагов в сторону от стоящих толпой актеров и команды. Он поворачивается к ним спиной, ненавязчиво расстегивает ремень, приспускает штаны, достает член и мочится на маргаритки и лютики, растущие на лужайке Зентропы.

Заслуживший дурную славу за *“Идиотов”* – отчасти в связи с тем, что в фильме снимались обнаженные актеры, – фон Триер до настоящего времени сам не раздевался. *“Со мной сейчас сложно разговаривать, – говорит фон Триер. – Через несколько недель, когда закончу с фильмом, будет легче”*. Фон Триер – сложный человек, его фильмы – хитроумная карта его психики. Ходили слухи о жестоких стычках Триера и Бьорк на съемочной площадке, кульминацией которых стал уход Бьорк из этого \$15-миллионного проекта. Съемки были отложены на два дня, а потом она вернулась с собственным манифестом, перечнем требований, которыми она хотела защитить свою музыку. Одним из требований было то, что она должна иметь решающий голос при микшировании и монтировании песен.

“Иногда у меня в груди все трясется, – говорит Бьорк, – когда я нахожусь с ним в одном помещении. В нем есть эта внутренняя боль, неустойчивость”.

В данный момент есть две Бьорк. Одна – это я, а другая – это вымышленный персонаж, о которой все пишут и которая живет своей, отдельной жизнью.

грациозную красоту, сдержанность и провидческую правоту инстинктивного подхода к актерской игре.

ДХ: Считаешь, ты хорошо себя знаешь?

Бьорк: Ну, как правило. Когда я была ребенком и сейчас, не считая тех четырех лет, что я прожила в Лондоне, я много времени проводила в одиночестве, и если бы меня попросили выбрать 100 лучших моментов моей жизни, в 90 из них я была наедине с собой. Снявшись в этом фильме, я поняла, что множество людей не хотят быть в одиночестве, они хотят быть с кем-то рядом, они не помнят своих снов, когда просыпаются. Это меня потрясло.

нулась в Исландию, произошло много неприятностей: во время американского тура ты потеряла голос, в твой лондонский дом пришла почтовая посылка с бомбой, ты разорвала серьезные отношения. Это было действительно сложное время для тебя, или так решили СМИ?

Бьорк: Жизнь гораздо сложнее, слава Богу. В данный момент есть две Бьорк. Одна – это я, а другая – это вымышленный персонаж, о которой все пишут и которая живет своей, отдельной жизнью. С этим вымышленным персонажем случилось множество вещей, которых не случалось со мной, а со мной между 1996 и 1997 гг. случилось 50 000 вещей, о которых никто не знает, и мне хотелось,

94 ББ: Что сегодня становится почвой для появления андеграунда?

МК: Неприятие буржуазных ценностей, истэблшмента, формата радиостанций, методов раскрутки, которыми пользуются звукозаписывающие компании; эстетики MTV, закрытых клубов, дорогих ресторанов и прочих атрибутов красивой жизни. Точно так же и на Западе: неприятие этих вещей служит основой для андеграунда. Это еще куда ни шло. Опасно, если это как в кривом зеркале приобретет национал-патриотическую окраску. Такая тенденция, увы, есть в Германии, Австрии и Италии. Вполне вероятен всплеск и у нас скинхзовских, неонацистских групп... Извини, у меня переговоры, потом договорим.

•••

На горизонте появляется **панк Иванов**. Станным образом в первые минуты беседы мы говорим о том же, о чем только что я толковал с Козыревым. Мы с панком Ивановым вспоминаем о побоище на позорном фестивале "Бит-Битва", когда скинхэды мочили 12-14-летних девочек, а милиция то ли бездействовала, то ли даже помогала.

ББ: Послушай, но ведь эти люди росли в тех же школах, что и мы, слушали ту же музыку... Откуда это?

Александр Иванов: Все это спровоцировано политической ситуацией. Люди поняли – "закручиваются гайки". Те же милицейские чины не могут разобраться с огромным количеством людей, с которыми действительно стоило бы разобраться. Но делать-то что-то надо, и они могут разогнать тысячу молодых людей, пришедших на рок-концерт. Да они, мол, лохматые, все наркоманы, подонки... Мне кажется, что с потерей всех координат в 90-х пришла идея, что, может быть, и не надо быть добрым, надо быть злым, то есть надо быть капиталистом. Таким капиталистом, как представляли его коммунисты в пропагандистских карикатурах.

Я начинаю теряться и путаться. В этот день я увидел сразу нескольких врагов андеграунда. Буржуазия, попса, милиция, скинхэды... Портрет андеграунда в целом или его отдельного представителя так и не нарисовался. Может быть, он похож на Иванова?

АИ: Выжить на уровне совсем независимом невозможно. То есть можно, если ты готов существовать на уровне подвала и выступать для десяти своих друзей, и готов потратить на это всю свою жизнь. К сожалению, очень многим группам приходится так делать. Иногда просто по недоумию, потому что не понимают, как можно сделать по-другому. Другие же делают это из-за существующих в среде индипендент-пипл определенных понятий о том, что делать хорошо, что плохо. Что произошло на Западе? Андеграунд стал больше или меньше, но реальной альтернативой. Там эта схема очень развита. Вся беда либераль-

ных стран, что они развивают такую структуру, что можно купить любую альтернативную группу, например, Marilyn Manson. Несколько лет назад было невозможно представить себе, что можно будет продать такого артиста такими тиражами. Тем не менее, сейчас в протестантской стране человек, заявляющий себя Антихристом и носителем совершенно отрицательных ценностей, продается многомиллионными тиражами и имеет поддержку СМИ. В этом есть некая ложь самой демократии. Но ложь эта очевидна, и с ней надо бороться, но для нашей страны все это еще впереди. На сегодняшний момент мы находимся в рамках тоталитарного государства, которое более или менее искусно маскируется под демократическую державу.

Спасибо тебе, панк Иванов. Все объяснил и расставил по полочкам. Хорошо говорить с панками под шампанское. Нет, остаются, конечно, еще неясности. На андеграунд похож хип-хоп, но он, как выяснилось, прекрасно у нас продаваем и политически ангажируем. В танцевальной культуре существует свой андеграунд, но это отдельная история. Есть Егор Летов. 12-13-летние подростки продолжают слушать "Лед под ногами майора" или его новые, уже коммунистические вещи. Где-то рядом, не видимая миру, тусуется целая генерация "патриотических" групп: "Родина", "Черный Лукич" и прочие. В этом "сегменте" запах политики забывает все остальные.

И есть полностью изжившая себя хипповская культура, от которой у меня в памяти осталась строчка "Верните андеграунд, без андеграунда не в кайф..." – припев песни, которой я, 15-летний, внимал, слушая мутного уличного барда с феньками по прозвищу "Святой".

Бьорк

105 Фон Триер создает чувство клаустрофобии для живых, импровизированных сцен повествования. Его рваный монтаж еще больше усиливает эмоциональное напряжение. Все это уместно дисгармонизирует с широкоугольной камерой, 35-мм пленкой, тщательной хореографией музыкального ряда. "Танцующая в темноте" – амбициозный фильм с превосходной игрой актеров и изобретательной хореографией: в конечном счете это фильм, который не боится задавать сложные вопросы и поднимать сложные темы. Результат: нет справедливости, нет искупления, нет простых ответов и нет хэппи-энда.

•••

ДХ: Почему ты решила сделать этот фильм с Ларсом?

Бьорк: Сначала я собиралась только написать музыку. Но он целый год убеждал меня сняться. Для меня это был вопрос жизни и смерти. Я не буду сниматься, где попало.

ДХ: Я слышал, что ты, как и Сельма, работала на заводе.

Бьорк: На заводе Кока-Колы и на рыбном заводе.

ДХ: Ты пела во время работы?

Бьорк: На заводе Кока-Колы вокруг звенят бутылки, и ты так напеваешь тоненьким голоском в ритм, и никто тебя не слышит, потому что очень шумно.

ДХ: Сколько тебе было лет?

Бьорк: 15. Это было незаконно.

Сцена 4. Студия Олимпик, Барнс, Лондон, февраль, 2000.

На вмонтированном в стену экране застыл кадр с лицом Бьорк. Темная студия с колоннами дисплеев и приборных досок: операторы занимаются цифровой обработкой звукового ряда.

Вместе с Марком Беллом, который помогал Бьорк с битом и сэмплами на альбоме "Homogenic", и Марком "Спайком" Стентом, одним из ведущих монтажеров в мире, Бьорк следит, как доводится до ума саундтрек к фильму. Аудио против видео, вибрации против сумасшедших причуд, королева Бьорк против короля фон Триера.

•••

ДХ: Чего ты боишься больше всего?

Бьорк: Скуки.

ДХ: Это слишком просто...

Бьорк: ...что не успею сделать все свои песни до того, как умру. У меня роман с музыкой. Я провела какое-то время без музыки, и мне стало страшно, что я впустую трачу время, что больше не смогу писать мелодии. Все то время, пока я снималась, у меня было такое чувство, будто бы мне приходится задерживать дыхание.

ДХ: У тебя правда было такое ощущение, будто бы ты можешь потерять способность писать музыку?

Бьорк: Впервые в жизни. И все – из-за Ларса.

Чичерина

117 И туда брали отличников, потому что отличники все хорошо танцуют и поют. Но я была двоечницей. И вот однажды, какой-то был грипп, в хоре были пробелы и учительница по музыке сказала: "Ну ладно, Юля, я возьму тебя. Дадим мы тебе юбочку, бантик. Но ты рот открывай, а звуков никаких не издавай". Ну, конечно, я никуда не пошла, меня это так задело. До сих пор мне очень обидно. Понятно, что я бы все им там испортила, но так тоже нельзя делать.

МФ: Может, поэтому пошла к той учительнице по классу вокала и певицей стала?

ЮЧ: Может быть. Я все равно продолжала включать пластинки на огромной громкости. Например, пластинку сестры "Энергия" "Алисы". Мне тогда было лет восемь, и я заслушивалась. У папы была огромная коллекция винила. Все "Лед Зеппелинг", все "Битлз".

МФ: А кстати, "Битлз" или "Роллинг Стоунз"?

ЮЧ: "Роллинг стоунз" я как-то и не слушала. И потом не восприняла.